

Иван Денисович Шухов

Центральный персонаж рассказа А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», заключенный. Прообразом главного героя послужил солдат Шухов, воевавший с автором в Великую Отечественную войну, однако никогда не сидевший. Лагерный опыт самого автора и других узников послужил материалом для создания образа Ивана Денисовича. Это рассказ об одном дне лагерной жизни от подъема до отбоя. Действие происходит зимой 1951 года в одном из сибирских каторжных лагерей.

Ивану Денисовичу сорок лет от роду, на войну ушел 23 июня 1941 года из деревни Темгенево, что возле Поломни. Дома остались жена и две дочки (сын умер маленьким). Отсидел Иван Денисович восемь лет (семь на Севере, в Усть-Ижме), сидит девятый — срок заключения заканчивается. По «делу» считается, что сел за измену родине — сдался в плен, а вернулся потому, что выполнял задание немецкой разведки. На следствии всю эту чушь подписал — расчет был простой: «не подпишешь — бушлат деревянный, подпишешь — поживешь еще малость». А на самом деле было так: попали в окружение, есть было нечего, стрелять нечем. Понемногу их немцы по лесам ловили и брали. Впятером пробрались к своим, только двоих автоматчик уложил на месте, а третий умер от ран. А когда двое оставшихся сказали, что убежали из немецкого плена, им не поверили и сдали куда надо. Поначалу попал в Усть-Ижменский общий лагерь, а потом из общего пятьдесят восьмую статью перегнали в Сибирь, в каторжный. Здесь, в каторжном, считает Иван Денисович, хорошо: «свободы здесь — от пуза. В Усть-Ижменском скажешь шепотком, что на воле спичек нет, тебя садят, новую десятку клепают. А здесь кричи с верхних нар что хошь — стукачи того не доносят, оперы рукой махнули».

Теперь у Ивана Денисовича зубов нет половины, а борода здоровая выперла, голова бритая. Одет, как все лагерники: ватные брюки, повыше колена пришит затасканный погрязневший лоскут с номером Щ-854; телогрейка, а поверх нее — бушлат, подпоясанный веревочкой; валенки, под валенками две пары портянок — старые и поновей.

За восемь лет Иван Денисович приспособился к лагерной жизни, понял ее главные законы и живет по ним. Кто арестанту главный враг? Другой арестант. Если б эки друг с другом не сучились, не имело б над ними силы начальство. Так что первейший закон — оставаться человеком, не суетиться, сохранять достоинство, знать свое место. Не быть шакалом, но и позаботиться о себе должен сам — как растянуть пайку, чтобы не чувствовать постоянно голода, как успеть валенки просушить, как нужный инструмент заначить, как когда работать (в полную или вполсилы), как разговаривать с начальством, кому не попадаться на глаза, как подработать, чтобы себя поддержать, но честно, не ловча и не унижаясь, а применив свое умение и смекаливость. И это не только лагерная мудрость. Это мудрость скорее даже крестьянская, генетическая. Иван Денисович знает, что работать — лучше, чем не работать, а работать хорошо — лучше, чем плохо, хотя и он не всякую работу возьмет, не зря считается лучшим в бригаде мастером.

К нему применима пословица: на Бога надейся, а сам не плошай. Бывает, взмолятся: «Господи! Спаси! Не дай мне карцера!» — а сам делает все, чтобы перехитрить надзирателя или еще кого. Минует опасность, и он тут же забудет воздать Господу благодарность — некогда и уже некстати. Считает, что «молитвы те — как заявления: или не доходят, или — «в жалобе отказать». Правь свою судьбу сам. Здравый смысл, житейская крестьянская мудрость и по-настоящему высокая нравственность помогают Ивану Денисовичу не только выжить, но и принимать жизнь такой, какая она есть, и даже уметь быть счастливым: «Засыпал Шухов вполне удовлетворенный. На дню у него выдалось много удач: в карцер не посадили, на Соцгородок бригаду не выгнали, в обед он закосил кашу,

бригадир хорошо закрыл процентовку, стену Шухов клал весело, с ножовкой на шмоне не попался, подработал вечером у Цезаря и табачку купил. И не заболел, перемогся. Прошел день, ничем не омраченный, почти счастливый».

Образ Ивана Денисовича восходит к классическим образам стариков-крестьян, к примеру — толстовскому Платону Каратаеву, хотя и существует в совершенно других обстоятельствах.